

ЧАЙКА И БУРЕВѢСТНИКЪ.

Разбираясь въ нашей дѣйствительности и лица для нея объясненій въ русской современной литературѣ, мы невольно всегда останавливаемся на двухъ представителяхъ ея—на Чеховѣ и Горькомъ.

Остановился на нихъ и Д. С. Мережковский, прочитавшій въ послѣдній „вторникъ“ московскаго литературно-художественнаго кружка рефератъ на тему: «Чеховъ и Горькій».

Люди, знакомые съ тѣмъ, до какой степени этотъ талантливый писатель захваченъ въ послѣдніе годы религиозно-философскими вопросами, не могли удивляться тому, что и разсматриваемыхъ имъ авторовъ Мережковский оценивалъ съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ христіанству.

Избравъ эту точку зрѣнія отправнымъ пунктомъ своихъ критическихъ изслѣдованій, Д. С. Мережковский приходитъ къ самымъ безотраднымъ выводамъ: христіанство—говоритъ онъ—въ Чеховѣ умолчено. Еще болѣе умолченнымъ представляется Мережковскому христіанство у Горькаго.

Въ доказательство равнодушія Чехова къ религіи Мережковский приводитъ выдержку изъ неопубликованнаго еще письма Чехова къ Дягилеву по поводу происходившихъ въ то время въ Петербургѣ религиозно-философскихъ собраній.

Въ этомъ письмѣ Чеховъ пишетъ, что ему совершенно чуждо новое явленіе—возрожденіе интереса въ интеллигенціи къ религиознымъ вопросамъ—и что на интеллигентныхъ людей, задающихъ религиозными вопросами, онъ смотритъ съ недоумѣніемъ.

Отпаденіе отъ христіанства, которое Мережковский видитъ въ культурномъ прог-

рессивномъ обществѣ, въ его глазахъ въ значительной степени обуславливается уставшимся преемствомъ, будто бы христіанство является защитникомъ и покровителемъ политическаго абсолютизма, и противъ этого заблужденія референтъ направилъ свои возраженія,

Перейдя затѣмъ къ усмотрѣнному лекторомъ отсутствію христіанства у двухъ разсматриваемыхъ писателей, Мережковский съ страстностью фанатика-сектанта готовъ признать ихъ дѣятельность мертвой и поставить на ней крестъ, «во имя Христа».

Талантливая въ своей парадоксальности глубоко искренняя и страстная рѣчь Мережковскаго оставила аудиторію не только болѣе или менѣе холодной, но и въ значительной части недоумѣвающей. Видно было, что недоумѣніе, съ которымъ смотрѣлъ Чеховъ на извѣстныя мистическія увлеченія части нашей интеллигенціи, раздѣляются очень многими, что у Чехова въ этомъ отношеніи сторонниковъ гораздо болѣе, чѣмъ у Мережковскаго.

Очевидно было, что для огромнаго большинства слушателей отношеніе писателей къ религіи не имѣло того самоудовлѣяющаго интереса, какой видѣлъ въ немъ референтъ.

Очевидно было, что современное общество гораздо болѣе склонно искать свои идеалы справедливости, нравственности и другихъ веленій духа не въ далекихъ небесахъ, а на землѣ и въ земномъ.

Нужно ли объ этомъ печалиться?

Самъ авторъ упоминаетъ въ началѣ своего реферата о людяхъ, съ которыми находится Христосъ, не смотря на то, что они не считаютъ себя со Христомъ, и если даже согласиться съ достаточно спорными, особенно относительно Чехова, выводами, что двумъ важнѣй-

шимъ писателямъ современной эпохи дѣйствительно было чуждо христіанство, что они дѣйствительно были не со Христомъ, то необходимо признать, что съ ними былъ и есть Христосъ.

Впрочемъ, этотъ гоголическій споръ, какъ я уже сказалъ, оставилъ слушателей довольно равнодушными. И названные писатели, и само христіанство разсматривались ими въ преніяхъ почти исключительно по отношенію къ переживаемой эпохѣ постольку, поскольку они способствуютъ дѣлу прогресса, или тормазятъ его. Перейдя на эту неизбежную въ настоящее время почву, споръ принялъ страстный, увлекательный характеръ.

Чеховъ и Горькій... Во время этихъ дебатовъ я особенно ярко созналъ, что они, эти два писателя, являются двумя сторонами пограничнаго столба русской дѣйствительности. По одну сторону этого столба находится наше безмолвное, безвольное, рабское вчера, по другую сторону — полное силъ, полное стремленій, протеста и обновленія завтра.

Чеховъ и Горькій порубежные писатели, стоявшіе на грани двухъ соприкасающихся одна съ другою, но діаметрально противоположныхъ другъ другу эпохъ.

Чеховъ и Горькій—это любимая первая Чайка, и воспитанный вторымъ Буревѣстникъ. Птицы во многомъ родственныя другъ другу, но отличающіяся діаметрально противоположными характерами.

«Чайки носятся предъ бурей, стонутъ, мечутся надъ моремъ, и на дно его готовы стряпать ужасъ свой предъ бурей»..

А гордый Буревѣстникъ, «черной молніи подобный», ощущаетъ при этомъ восторгъ экстаза. «Онъ кричитъ и туши слышать радость въ вѣсѣмъ крикѣ птицы. Въ этомъ крикѣ—жажда гнѣва,

пламя страсти, и увѣренность въ побѣду туши слышать въ этомъ крикѣ.»

Стонутъ бѣдныя чайки, стонутъ чеховскія «сестры» и братья. Менѣе всего способны искать они исхода въ буряхъ и грозовыхъ ударахъ. Это—мечтатели, бѣдныя, блѣдныя мечтатели, изъ души которыхъ рабская, терпѣливая и молчаливая жизнь вытравива всякую способность къ протесту. Они страдаютъ, ни тяжко страдаютъ, чувствуя всю боль своего существованія, но они неспособны считать своихъ страданий сильнодѣйствующими средствами, они не могутъ «возстать противу моря золь—и ихъ окончить».

И потому они спасутся въ міръ прекрасныхъ, но мало обоснованныхъ грезъ.

Когда-то будетъ лучше... Пройдетъ нѣсколько столѣтій—и міръ вдругъ сдѣлается прекраснымъ, и жизнь станетъ красивою, изящной, и юдворится на земляхъ рай и въ человѣкахъ благоволеніе.

Почему же произойдетъ это волшебное превращеніе? Почему продолжающіяся многія тысячелѣтія страданія черезъ двѣсти, триста лѣтъ претворятся въ свѣтлое блаженство?

Въ этомъ чеховскіе мечтатели не отдають себѣ яснаго отчета. Тутъ мы вступаемъ въ область той самой непосредственной, безотчетной вѣры, въ отсутствіи которой Мережковский упрекаетъ Чехова.

Будетъ лучше, будетъ хорошо... Да почему же? Потому, что должно быть хорошо.

Право, это довольно слабая мотивировка. Это тотъ же идеизмъ Надсонъ со своимъ юношескимъ.

„О, мой другъ! И мечта этотъ свѣтлый приходъ,

Не пустая надежда она:
Оглянись,—зло всругъ черезчуръ ужъ гнететь!

Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!

Миръ устанеть отъ мукъ, захлебнется
въ крови,
Утомится безумной борьбой,
И подниметь къ любви, къ безавѣт-
ной любви,

Очи, полныя скорбной мольбой!..

Таково всегда лекарство слабыхъ: не въ силахъ бороться со своими невзгодами, они могутъ найти уѣжище отъ отчаянья только въ вѣрѣ. Когда-нибудь будетъ лучше.

Является и другое утѣшеніе: «Они, страдавшіе и не вкусившіе счастья, подготовили, придвинули его къ тѣмъ, кто будетъ жить послѣ нихъ. Чѣмъ собственно они подготовили это счастье—трудно понять, но о нихъ вспоминать въ то отдаленное, счастливое время и пожалѣютъ ихъ.

И тутъ же оставляется и болѣе уже реальная вѣра, вѣра въ болѣе узкомъ значеніи слова: «Мы покорно умремъ, и тамъ, за гробомъ, мы скажемъ, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалился надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся, и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ... Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ... Я вѣрую, вѣрую!..

Да и что же остается, кромѣ вѣры, когда не чувствуешь никакихъ реальныхъ силъ для того, чтобы измѣнить, исправить неправду жизни здѣсь, на землѣ, сейчасъ, а не въ дали грядущихъ столѣтій?

Остается вѣрить... И всѣ герои Чехова вѣрятъ, страстно вѣрятъ, всё твердятъ о счастья въ двадцать третьемъ и двадцать четвертомъ столѣтій, а пока ничего не умѣютъ сдѣлать ни для своего, ни для общечеловѣческаго счастья.

Чайки стонуть передъ бурей... А пока онѣ стонуть и умираютъ, безропотныя, неостомщенные, съ прекрасными наивными

надеждами на всеисцѣляющее будущее, томительная неподвижность окружающаго воздуха все явственнѣе переходитъ въ вызванную этимъ застоємъ грозу.

Надвигаются темныя тучи, прорѣзываетъ ихъ ослѣпительная молнія—и на свинцовомъ фонѣ неба, надъ съдымъ отъ пѣны моремъ взмываетъ гордый и грозный Буревѣстникъ.

Онъ не хочетъ дожидаться счастья двѣсти или триста лѣтъ, онъ не хочетъ быть только бѣднымъ звономъ, связующимъ современную безвольную и безрадостную жизнь съ далекимъ проблематичнымъ счастьемъ въ грядущихъ вѣкахъ.

Онъ не хочетъ ни стонать, ни плакать, ни терпѣть.

Вмѣстѣ съ родственнымъ ему Соколомъ онъ увѣренъ въ томъ, что «безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни!»

Такова жизнь на двухъ сторонахъ пограничнаго столба.

По одну сторону терпѣливое и скорное ожиданіе, по другую сторону—нетерпѣливый, переходящій въ стихійный порывъ, гремящій громовыми раскатами протестъ.

Таковы двѣ стороны пограничнаго столба русской дѣйствительности, такова двудликая русская дѣйствительность. Взглянешь вправо—разстилается передъ тобою унылая, томительная степь, окутанная безпросвѣтными сумерками, и населена эта сѣрая степь сѣрыми людьми, эпизодическими лицами, нудными человѣками, да талантливыми неудачниками яркими, но безпольными пустоцвѣтами. Скучно, мертво, безотрадно до тоски, до отчаянія, до необходимости созидать миражи.

Посмотришь налѣво—оттуда несется ураганъ, страшный, но освѣжающій; тамъ реветъ и бунуетъ море, и надъ нимъ вѣетъ гордый Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

А на берегъ вышли люди, новые, невиданные вчера люди, такіе бодрые, такіе сильные, мало интересующіеся тѣмъ, что будетъ въ двадцать третьемъ и двадцать четвертомъ столѣтіяхъ, или еще дальше—тамъ, гдѣ поютъ ангелы и горитъ алмазами небо, но страстно жаждущіе устроить счастье сегодня.

— Милыя мои сестры, милые мои братья, говорятъ эти люди, обращаясь въ правую сторону отъ пограничнаго столба,—не кинуть въ одуряющей глуши вашей болотной трясины теперь нужно, а всколыхнуться, возжаждать всею силой души иной, свободной жизни, да не въ перспективѣ отдаленныхъ столѣтій и не въ небесахъ, а сейчасъ и здѣсь, на землѣ! Отрекитесь отъ вчерашняго дня и сочетайтесь съ завтрашнимъ днемъ!..

И отрекаются люди, и переходятъ на другую сторону, и обрѣтаютъ въ себѣ си-

лы, о существованіи которыхъ вчера они и не подозрѣвали.

Жизнь идетъ, жизнь кипитъ; прежніе вчерашніе люди, чеховскіе мечтатели уходятъ, и все сильѣе и сильнѣе становятся люди сегодняшняго и завтрашняго дня.

Вотъ въ чемъ смыслъ и значеніе Чехова и Горькаго, вотъ съ какой точки зрѣнія, помимо эстетической, надобно ихъ цѣнить.

А такъ это люди вѣровали, въ религиозномъ значеніи этого слова,—для громаднаго большинства это безразлично, и громадное большинство въ данномъ случаѣ, пожалуй, совершенно право, ибо можно ежеминутно помянуть имя Божіе и быть далеко отъ Бога, и нерѣдко Христосъ бывастъ съ тѣмъ, кто готовъ отъ него отречься.

Сергѣй Яблоновскій.